

Солнце и три мушкетера

Не знаю, чего Титова разоралась. Мы всю жизнь так прощаемся. С восьмого класса точно, потому что Солнце в восьмом к нам перешел из пятидесят седьмой и как-то сразу влился.

У нас свои ритуалы, только для нас. В столовке, если дают сосиски, мы все орем и начинаем драться вилками за сосидж Нарине. Она такое не ест, потому что у нее в жизни две цели: во-первых, разбогатеть, а во-вторых, не стать такой же толстой, как мать. Или вот еще наша тема: когда Маша опять получает троюк (она у нас самая тупенькая), Солнце рычит: "Господа, мы тупеем на этой войне!", а мы хором орем: "Три тысячи чертей!"

Тут нужна пояснительная бригада: это из старого фильма про трех мушкетеров. Реально старого, еще советских времен. Я бы, конечно, ни в жизнь не стала его смотреть, но Солнце западает на всякое старье: музыку, фильмы, стрелные пиджаки из секондов. Говорит, это винтаж. Как же...

И потом, тут звезды так сложились, потому что были я, Маша и Нарине - три мушкетера. А стали я, Маша, Нарине и Солнце - плюс Д'Артаньян.

Прости, Господи, невинные прегрешения наши!

Это оттуда же, из фильма.

Я, честно, даже не помню, когда мы придумали целоваться на прощанье. Маша целует Нарине, Нарине - меня, а я - Солнце. И что такого, что в губы? Это же просто часть тела, как рука или ноздри. Или, не знаю, коленки.

А Титова разоралась.

Притащила нас к директору и так выступает, как будто мы кексом на школьном крыльце занимались. Все вчетвером! Что-то там тарыхтит про аморальность, распущенность, устои... Про то, куда из-за нас Россия катится. А у самой лифчик через блузку просвечивает. Все же знают, зачем надевают черный лифчик под белую рубашку?

Чтобы его за-ме-ти-ли! Вдобавок еще и кружевной...

- В другой раз увижу, вы у меня так просто не отделаетесь, поняли? – брызжет слюной Титова.

Мы нестройным хором отвечаем:

- Да, Светлана Олеговна.

А Машка даже слезу пускает, типа от раскаяния. Ты ж моя умница! Хотя ей заплакать вообще ничего не стоит. Она так уже почти пятьдесят тысяч фоловеров набрала. Снимает рилсы, в которых по щелчку просто плакать начинает. Сидит на унитазах – и плачет, чистит зубы – и плачет, шнурует кроссы и... ну, вы поняли. Ей недавно огромную коробку Риттер Спорт прислали, чтобы она на камеру пожрала и поплакала! Мы потом

закатили пирушку с остатками в сквере на Октябрьской, где детская площадка. Надо же было отпраздновать, что она теперь звезда.

Короче, отпустили нас с миром и клеймом малолетних развратников. Бг-г-г!

- Пока, шлюшки, - говорит Солнце.

- Пока-пока, Олежик, - улыбается Маша.

И мы целуемся на прощание: Маша - Нарине, Нарине - меня, а я - Солнце.

В губы, естественно.

- Жиза, блин! Держи свет нормально!

Жиза – это я, если что. Так-то я Женя Железнякова, но по натуре, в общем, Жиза. Чего скрывать-то?

Я приподнимаю повыше кольцевую лампу для селфи, и Маша показывает большой палец вверх. Сегодня зависаем у меня. Солнце в МОИХ наушниках лежит на МОЕЙ кровати и на МОЕМ компе опять смотрит какое-то свое старье. Кажется, на французском, потому что он время от времени бормочет что-то типа «бонжур-абажур» и «тре бьен-офиген». Нарине за столом яростно тычет пальцами в смартфон. Она месяца три назад установила себе какое-то приложение и теперь играет на бирже. Все время что-то там продает и покупает. Ужас. Я ее боюсь. А Маша опять снимает новый видос. Сегодня с Чапой, моей таксой.

- Чапа, сидеть! - гаркает Маша. Включает фронтальную камеру, обнимает моего собаку и три, два, один... начинает плакать! Прямо рыдает на камеру.

Ее я тоже, пожалуй, боюсь.

- Снято, - шумно всхлипывает Маша. Я тут же бросаю лампу и выхватываю Чапу у нее из рук.

- Не смей вытирать сопли о моего собаку!

- Сударь, за кого вы меня принимаете? – Маша оскорбленно выпрямляется и вытирает нос о плечо Нарине. Та только морщиться, потому что, ну, что с Машей взять?

Мы с Масей пересматриваем видос и думаем, надо ли еще дубль делать, но потом слышим, как хлопает входная дверь и собираемся на выход. Когда мама возвращается с работы мы всегда сразу уходим, потому что она расистка.

- Женя, как как ты можешь так про меня говорить? – вечно оскорбляется она.

А сама называет Нарине «эта твоя армяночка».

Честно, мы час, наверное, спорим, куда пойти. Обычно мы к Маше заваливаемся: у нее двухэтажные хоромы на девятнадцатом этаже возле парка (мы зовем их «масин

пентхаус»). Но сегодня ее маман какие-то занятия про женское предназначение проводит, а нас жизнь к такому не готовила. Так что мы стоим у моего подъезда и спорим, куда пойти.

Солнце зовет всех в ТЦ смотреть ему новые кеды.

Я говорю, что надо идти на наше место на Октябрьской, потому что это традишн.

Мася ноет, что ей холодно, и предлагает пойти погреться в «Пятерочку».

А Нарине опять остервенело тычет пальцем в телефон.

- Дочь моя, как ты? – заботливо спрашивает Солнце, поглаживая ее по головке. Он всегда такой. Нарине выворачивается из-под его руки, потому что не любит, когда ее трогают, и лаконично поясняет:

- Сбер, сука, упал.

- Каналья! – вопит Солнце.

- Давайте что ли селфи? – хнычет Мася, подпрыгивая на месте. Мы, ясное дело, все за.

Мася надувает щеки и распахивает глазки (мы называем это «масино анимешное лицо»). Нарине спускает очки на кончик носа а-ля строгая училка. Солнце вытягивает руку с телефоном подальше и делает губами уточку. А я накидываю капюшон толстовки на голову, засовываю палец в нос и корчу страшную рожу.

- Блин, Жиза как обычно! – тихо ржет Мася.

Я вытаскиваю палец из носа и ме-е-едлено тяну его в рот, как будто хочу облизать.

- Не-е-ет, Жиза, фу-у-у! – визжит Мася, делая вид, что ее сейчас стошнит. А Солнце демонстративно скидывает руки в небеса и сокрушается:

- Всевышний, и этими губами она будет целовать меня на прощанье?

Мы, не сговариваясь, двигаем в сторону «Пятерочки», потому что Мася в своей джинсовке ужа синяя все. А Нарине вдруг выдает:

- Кстати об этом. Может, поменяемся?

Я даже притормаживаю.

- В смысле?

- Ну, я всегда целую Масю. Мася – тебя. А ты – убогого.

- Ну, спасибо, - на ходу возмущается Солнце.

- Не за что, Олежик, - милостиво кивает Нарине. – Я просто думаю, почему всегда так? Давайте все время меняться.

- Ты меня разлюбила? – ахает Мася, прижимая руки к сердцу. Нижняя губа у нее начинает дрожать. Три, два, один... Вуаля, вот и слезы!

- Иди, я тебя утешу! – Солнце крепко ее обнимает и приговаривает. – Злая Нарине обидела Масю. Плохая Нарине, плохая!

- Вообще, я не против, - внезапно вставляет Мася. – А вы как?

Мася с Нарине смотрят на меня, а я на Солнце. У него... красивое лицо. Немножко девчачье, вообще не брутальное. С острым подбородком, впалыми щеками и карими глазами. У Солнца густые брови и кудрявые темные волосы до середины шеи. Типа каре. Челку он не носит, но отдельные пряди все время падают ему на лицо. Солнце делает вид, что это его раздражает, но мы-то знаем, что он красуется. Все вообще знают. Но ему можно, потому что он с этой прядкой еще красивее.

- Не вопрос, - пожимает плечами Солнце, глядя себе под ноги.

У него «капризный» рот. Губы пухлые, но верхняя с сильным изгибом. Теплые. И такие нежные...

Я говорю:

- Ага.

А сердце разбивается вдребезги.

Мы выходим из «Пятерочки» с булками и мерзким кофе из автомата. Зато горячий! Сначала просто идем, жрем-пьем и болтаем. А потом ускоряемся и бежим со всех ног, вопя и толкаясь. Потому что на нашей площадке за сквером всего три качели!

- Кто последний, тот говняшка кардинала Ришелье! – вопит Солнце. Ему-то с его длинными ногами хорошо, он нас всех обгоняет. Мы с Нарине висим у него на хвосте, а вот Мася пыхтит последней. Держит руками грудь, чтобы не прыгала, и громко ноет:

- Олег, так нечестно! Ты парень!

И Солнце нарочно делает вид, что споткнулся. Он вот такой человек.

Мы его обгоняем и занимаем качели.

- Плак, плак, - грустно трет глазки Солнце. – На ручки возьмете?

Мы, конечно, его игнорируем. Треплемся обо всем и ни о чем. Тупим в телефонах, обсуждаем Тараса (это наш жирный новенький). Потом Нарине звонит мама. Потом Солнцу. Потом мне. Потом Масае.

- Все, расходимся, гайс, - говорит Нарине, потягиваясь и широко зевая. Лицо у нее довольное: наверное, сегодня вышла в плюс или что-нибудь этакое выгодно купила. Типа акций «Норникеля». Мы неохотно сползаем с качелей и сбиваемся в кучу.

Мася целует меня.

Я – Нарине.

А Нарине...

- Жиза, ты чего? – тарашится на меня Мася.

Но что я могу поделать, если слезы сами льются из глаз?

В общем чате тишина. Только Нарине утром написала: «Жиза, ты жива?», и все. Я не ответила. Лежала в обнимку с коробкой фруктовых колечек и пересматривала фотки Солнца. Они у меня в избранном. А любимая – где я несу его на спине, подхватив под бедра. Я там все красная от смеха, капюшон съехал на глаза. А Солнце вытянул прямые ноги вперед, обхватил меня руками за шею и тоже ржет как ненормальный. И даже как будто светится.

Мы тогда все-таки упали с ним оба. И лежали, согнувшись от смеха пополам, прямо на асфальте перед школой. Никак не могли успокоиться! Я повернула голову набок, и его лицо оказалось так близко, что смех вдруг закончился. Осталось только сбитое дыхание: то ли его, то ли мое. То ли наше?

Мне бы такие ресницы.

Мне бы такие ямочки.

Мне бы всего его целиком.

Солнце тоже перестал смеяться. Посмотрел на мои губы, отвел быстро взгляд.

И нашел мою руку своей.

Переплел наши пальцы, и меня будто током ударило. Бах! Я шарахнулась в сторону, перекатилась на четвереньки и вскочила на ноги. Скорчила глупую рожу и тупо ляпнула:

- Ты там перевозбудился что ли?

Не знаю, зачем. Я не нарочно! Я испугалась. Прямо до усрачки, ведь я же... я же Жиза! Шутки про жопу, палец в носу и толстовки с Кинг-Конгом – вот это вот все про меня! А трепет внутри и восторг, и желание... Это нет, не мое. Чур меня! И то, как в груди теперь все болит, это тоже как будто чье-то чужое. Непонятно только, почему тогда внутри у меня.

Может, я просто дура? Видимо так.

Я сворачиваюсь калачиком, натягиваю одеяло на голову и опять начинаю плакать. Не вылезая, даже когда подушка промокает от слез. Даже когда тихо хлопает дверь. А потом кто-то бесцеремонно забирается ко мне под одеяло.

- Подвинься, Жиза, - ворчит Нарине, пихая меня локтем в бок.

Мася втискивается с другой стороны. Говорит:

- Нас твоя мама пустила, - и обнимает меня рукой и ногой. – Назвала Нарине Армине. Что за кринж?

Я ей не отвечаю. Глотаю слезы, глотаю слова, глотаю свою непроходимую тупость... Мы молчим.

- И давно это у тебя? – бесцеремонно спрашивает Нарине. Мася делает большие глаза. Пинает ее ногой, но промахивается и больно ударяет меня по коленке. Я, зажмурившись, киваю, и Нарине со вздохом обнимает мою дурацкую глупую голову:

- Нашла, блин, в кого... Я-то думала, это Мася у нас тут самая тупенькая.

Солнце ждет нас на качелях на нашем месте. В голубых наушниках с кошачьими ушками, клетчатом пиджаке и какой-то драной серой футболке. Отклоняется назад, потом летит вверх, поджимает ноги... А заметив нас, так резко тормозит, что чуть не улетает с качелей в кусты возле мусорки.

- Действуй, Жиза, - шепчет Мася.

Я на негнущихся ногах подхожу прямо к Солнцу. Встаю между его колен и с размаху сажусь ему на правое бедро. Солнце от неожиданности охает, заваливается назад, и я тут же вскакиваю обратно на ноги. Вот я жиртрест! И зачем я только девчонок послушала! Наверняка, мне показалось тогда! Ну, точно! А, значит...

- Стоять, – выкрикивает Солнце, дергая меня за руку обратно к себе на колени. Я неловко взмахиваю рукой и сбиваю наушники с его головы, а Солнце...

Солнце меня целует.

Это, наверное, наш сто тыщ пятьсотый поцелуй. И все же первый. Его губы, мягкие и теплые, крепко прижимаются к моим и, господи, за это жизнь отдать не жалко. Я обнимаю Солнце за шею, а он стискивает пальцами мое бедро, приоткрывает губы, чтобы коснуться меня своим языком...

Мася верещит от восторга и наваливается на нас сверху, а следом и Нарине. Мы смеемся и стискиваем друг друга в объятьях так крепко, что уже непонятно где-кто. Вот как тесно сплелись.

- Один за всех! – вопит мне Мася прямо в ухо.

А я улыбаюсь и думаю про себе: «Но Солнце – мне одной».

НАРИНЕ ВСЕ ПРОСЧИТАЛА?